

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Тверской государственной университет»
Юридический факультет Тверского государственного университета,
Институт непрерывного образования Тверского государственного
университета, Тверское региональное отделение Ассоциации юристов
России и Тверское отделение Межрегиональной ассоциации
конституционалистов

КОНСТИТУЦИЯ, КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ,
КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ:
АКТУАЛЬНОЕ СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ И ТРЕНДОВ

Сборник материалов
по итогам Международной научно-практической конференции
посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации

г. Тверь, 17–18 мая 2013 года

ТВЕРЬ 2013

УДК 342.4(082)

ББК Х400.1я431

К65

К65 Конституция, конституционализм, конституционализация правовых систем: актуальное соотношение понятий и трендов / сб. материалов по итогам научно-практ. конф., посвященной 20-летию Конституции РФ, Тверь, 17–18 мая 2013 года / под общей редакцией профессора В.И. Крусса. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. – 408 с.

ISBN 978-5-7609-0857-5

В сборнике представлены научные доклады и статьи участников Международной научно-практической конференции «Конституция, конституционализм, конституционализация правовых систем: актуальное соотношение понятий и трендов», проходившей 17 – 18 мая в Твери на базе юридического факультета Тверского государственного университета. В статьях освещены актуальные вопросы теории и практики эволюции конституционализма и конституционализации национальных правовых систем, а также проблемы конституционного правопользования в России и зарубежных странах в контексте процессов демократизации и глобализации.

УДК 342.4(082)

ББК Х400.1я431

ISBN 978-5-7609-0857-5

© Авторы статей, 2013

© Тверской государственный университет, 2013

<i>Кряжков В.А.</i>	
Реализация нормотворческой компетенции органов государственной власти субъектов РФ в сфере защиты прав коренных малочисленных народов Севера: общие принципы и формы.....	182
<i>Кучин А.С.</i>	
Избирательная правосубъектность.....	192
<i>Лазарев В.В.</i>	
Лоббизм в конституционном судопроизводстве.....	195
<i>Лебедев В.А.</i>	
Актуальные проблемы народного представительства в Российской Федерации.....	200
<i>Летнянчин Л.И.</i>	
Конституционализация свободы мирных собраний: украинский опыт.....	208
<i>Ливеровский А.А.</i>	
Научная состоятельность перспективы конституционной универсализации нормоконтроля в Российской Федерации.....	221
<i>Липень С.В.</i>	
Белорусская модель конституционной юстиции: аспекты развития теории права и теории конституционного права.....	226
<i>Лотюк О.С.</i>	
Гражданское общество как предмет конституционно-правового регулирования.....	230
<i>Лушников А.М.</i>	
Конституционные основы трудовых прав работников: теоретико-правовой абрис.....	233
<i>Лушникова М.В.</i>	
Сущность конституционного права на социальное обеспечение	246
<i>Любина Т.И.</i>	
К вопросу о генезисе конституционного статуса личности в контексте правовой истории России в начале XX века.....	252
<i>Макарцев А.А.</i>	
Модернизация порядка замещения должности высшего должностного лица субъекта РФ в 2012-2013 годах: от наделения полномочиями к моделям прямых и многостепенных выборов.....	254
<i>Маликов Е.Ю.</i>	
Охрана и защита социальных интересов как основа конституционализма в России.....	263
<i>Малиновский В.А.</i>	
Ценности Республики Казахстан и их обеспечение Конституционным Советом.....	269

критерии правильности (подлинности, достоверности) *всех* норм, обеспечивающих конституционное взаимодействие физических лиц (правообладателей) и иных субъектов права в отношениях частного или публичного характера не может быть отграничено от общей теории права. Для этого традиционные блоки теоретико-исторических конституционно-правовых дисциплин следует предельно точно состыковать в контексте общей образовательной стратегии и воспринимать как общее правовое основание последующей образовательной специализации при изучении дисциплин сугубо отраслевого порядка (системы законодательства). Общая теория права, включая вводные учебные дисциплины и заканчивая материалами курсов истории правовых учений, философии и социологии права, должна обеспечивать формирование конституционного правовопонимания, аргументируя его современную актуальность посредством методологии компаративизма. Конституционное изучение государства (основных институтов, форм, режимов) должно постоянно адресоваться к идее высшей ценности прав и свобод человека и гражданина. Уяснению сущности и содержания этих метаправовых явлений (феноменов) должны быть посвящены специальные общие курсы или новый сводный курс. Изучение конституционного правосудия целесообразно представить как введение в теорию конституционной юстиции, дабы полученные здесь, на основе анализа практики Конституционного Суда РФ, навыки выявления конституционно-правового смысла норм действующего законодательства применялись далее постоянно в связи с отраслевыми конкретизациями единых образовательных задач.

Кряжков Владимир Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», профессор, заслуженный юрист РФ

Реализация нормотворческой компетенции органов государственной власти субъектов РФ в сфере защиты прав коренных малочисленных народов Севера: общие принципы и формы

1. Конституция РФ устанавливает: Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации (ст. 69). При этом

определяется, что защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей составляет предмет совместного ведения РФ и субъектов РФ (п. «м» ч. 1 ст. 72 Конституции), что предполагает:

решение данных вопросов находится в компетенции и Российской Федерации, и субъектов РФ, которые несут солидарную ответственность за состояние дел в этих сферах;

федеральный законодатель оставляет субъектам Российской Федерации пространство для собственного правового регулирования (постановление Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2012 г. № 26-П¹), что, надо полагать, в полной мере распространяется на «аборигенные» отношения.

По названным предметам, согласно общим правилам, издаются федеральные законы и в соответствии с ними принимаются законы и иные правовые акты субъектов РФ; региональные правовые акты не могут противоречить федеральным законам, а при возникновении данных противоречий действует федеральный закон (ч. 2, 5 ст. 76 Конституции)². То есть, если сказать иначе, субъекты РФ вправе осуществлять правовое регулирование по вопросам коренных малочисленных народов Севера, но на определенных условиях³:

не вторгаясь в предметы ведения Российской Федерации;

в пределах предметов ведения и полномочий, установленных Конституцией РФ, федеральными законами, соответствующими договорами и соглашениями, заключаемыми в порядке ч.3 ст. 11, ч. 4 ст. 66 и ч.2, 3 ст.78 Конституции РФ, а также с учетом конкретизирующих данные установления правовых позиций Конституционного Суда РФ;

в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами, что согласуется с их свойством верховенства на всей территории Российской Федерации (ч. 2 ст. 4, ч. 1, 2 ст. 15 Конституции) и предполагает недопустимость изъятия, ограничения, сужения или искажения закрепляемых ими прав и свобод законодательством субъектов РФ (по смыслу положений ч. 2 ст. 6, ч. 1, 2 ст. 15, ч. 2 ст. 19, ст. 55, 76);

¹ См.: СЗ РФ. 2012. № 48. Ст. 6744.

² Эти положения говорят сами за себя: защита прав коренных народов, их среды обитания и традиционного образа жизни не может осуществляться в отрыве от нормативно-правового регулирования; защита и правовое регулирование совместимы (см. также: Юсубов Э.С. Регулирование и защита прав человека в федеративном государстве // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 9; Пирбудагова Д.Ш. Единое правовое пространство // проблемы обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 8).

³ По данному вопросу см. подробно: Цивиль В.С. Конституционная компетенция субъекта РФ в отношении прав и свобод человека и гражданина. Автореферат дис. на соиск. уч. ст. канд. юр. наук. Санкт-Петербург, 2011; Малий А.Ф., Цивиль В.С. Права и свободы человека и гражданина: проблемы вертикального разграничения законодательной компетенции. Архангельск, 2011.

признавая приоритет правил международных договоров Российской Федерации над законом (ч. 4 ст. 15, ч. 1 ст. 17 Конституции);

не повторяя в содержательном плане (текстуально) федеральные законы, поскольку они действуют непосредственно на всей территории России (ч. 2 ст. 4, ч. 1, 2 ст. 15, ч. 1, 2 ст. 76 Конституции); дублирующее региональное регулирование несет опасность искажения и принижения роли федеральных норм, не имеет самостоятельного юридического значения, противоречит понятию исключительного федерального ведения, просто излишне с точки зрения экономии законодательных усилий и законодательной техники;

с ориентацией не столько на первичное установление норм, сколько на юридическое обеспечение проводимых мероприятий и закрепление мер защиты прав и законных интересов коренных малочисленных народов Севера посредством конкретизации и дополнения федерального законодательства, отражения региональной специфики, что может сопровождаться установлением законами субъектов РФ дополнительных гарантий (прав, преференций) названных народов (см., например, постановление Конституционного Суда РФ от 11 марта 2008 г. №4-П¹).

2. Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» играет ключевую роль в разграничении предметов ведения и полномочий органов государственной власти по вопросам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Согласно положениям данного Закона:

субъекты РФ вправе осуществлять собственное правовое регулирование по предметам совместного ведения, в том числе до принятия федеральных законов. После принятия соответствующего федерального закона законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ подлежат приведению в соответствие с данным федеральным законом в течение трех месяцев (п. 2 ст. 3);

к полномочиям органов государственной власти субъекта РФ по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта РФ (за исключением субвенций из федерального бюджета), относится решение вопросов организации и обеспечения защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Российской Федерации (подпункт 54 п.2 ст. 26.3). Причем по данному вопросу названные органы государственной власти имеют право принимать законы, иные нормативные правовые акты, в том числе региональные программы субъектов РФ, вне зависимости от наличия в

¹ См.: СЗ РФ. 2008. № 11 (ч. 2). Ст. 1073.

федеральных законах положений, устанавливающих указанное право (п. 3.1 ст. 26.3);

до принятия федерального закона по предметам совместного ведения, а также по вопросам совместного ведения, не урегулированным федеральными законами, законами субъекта РФ могут устанавливаться не указанные в п. 2 ст. 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» полномочия органов государственной власти субъекта РФ по предметам совместного ведения, осуществляемые данными органами самостоятельно за счет и в пределах средств бюджета субъектов РФ (п. 5 ст. 26.3).

Положения, приведенные в двух последних абзацах, имеют принципиальное значение для субъектов РФ при решении вопросов защиты прав коренных малочисленных народов Севера. Это предопределяется тем, что названный Федеральный закон не конкретизирует многогранное содержание объекта правового регулирования «организация и обеспечение защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов» и, сообразно с этим, не закрепляет исчерпывающим образом соответствующие полномочия органов государственной власти субъектов РФ.

Регулирование «аборигенной» компетенции в определенной мере (к сожалению, весьма ограничено) дополняется Федеральным законом «О гарантиях прав коренных малочисленных народов», которым органам государственной власти субъектов РФ «по защите исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов малочисленных народов» (ст. 6) предоставляются полномочия:

участвовать в реализации федеральных программ социально-экономического и культурного развития малочисленных народов и принимать региональные программы социально-экономического и культурного развития малочисленных народов, а также использования и охраны земель традиционного природопользования малочисленных народов и других природных ресурсов (п. 2);

ограничивать хозяйственную деятельность организаций всех форм собственности в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов (п. 3);

участвовать в регулировании отношений между бюджетами субъектов РФ и бюджетами органов местного самоуправления по выделению средств на социально-экономическое и культурное развитие малочисленных народов, защиту исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов малочисленных народов (п. 4);

регулировать порядок передачи собственности субъектов РФ общинам малочисленных народов и лицам, относящимся к этим народам (п. 5);

создавать на общественных началах при органах исполнительной власти субъектов РФ советы представителей малочисленных народов для защиты прав и законных интересов указанных народов (п. 8);

наделять органы местного самоуправления отдельными полномочиями по защите исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов малочисленных народов с передачей указанным органам необходимых материальных и финансовых средств (п. 10).

Полномочия органов государственной власти субъектов РФ, приведенные в названных федеральных законах, не являются исчерпывающими. Они устанавливаются и иными федеральными законами¹, а также могут подразумеваться, вытекать из задач, функций, принципов и более общих полномочий данных органов в сфере защиты прав коренных малочисленных народов Севера². Конституциями (уставами) и законами субъектов РФ указанные полномочия конкретизируются и разграничиваются между органами государственной власти регионального уровня (по смыслу ч. 1, 2 ст. 26.1 Федерального закона от 6 октября 1999 г. №184-ФЗ).

3. Реализация нормотворческой компетенции органов государственной власти субъектов РФ в сфере защиты прав коренных малочисленных народов Севера в широком смысле, если следовать положениям Конституции РФ, может осуществляться посредством:

а) использования права законодательной инициативы в Государственной Думе Федерального Собрания РФ (ст. 104);

б) обращения в Конституционный Суд РФ (ст. 125);

в) принятия собственных законов и иных нормативных правовых актов (ст. 76).

3.1. Использование законодательным (представительным) органом субъекта РФ права законодательной инициативы в Государственной Думе имеет целью побудить ее к принятию (изменению) необходимых федеральных законов, регламентирующих «аборигенные» отношения, постольку, поскольку данная регламентация находится за пределами компетенции органов государственной власти субъектов РФ. Анализ реализации этого права показывает, что с момента его установления Конституцией РФ в контексте защиты прав коренных народов им

¹ Анализ федерального законодательства по данному вопросу см.: Андриченко Л.В. Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации. М., 2005. С. 294 - 308.

² Правовая позиция о скрытых полномочиях обосновывалась в постановлении Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П применительно к Президенту РФ (см.: СЗ РФ. 1995. № 33, Ст. 3424). Ю.А. Тихомиров, универсализируя эту позицию, признает существование презюмированной компетенции, потенциальных полномочий, выводимых из правового контекста, общих целей и задач органов (см.: Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. М., 2001. С. 71, 97).

воспользовалось 12 субъектов РФ, в том числе 11 раз – Ямало-Ненецкий автономный округ, 5 – Ненецкий автономный округ, трижды – Республика Саха (Якутия) и Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ, дважды – Сахалинская и Кемеровская области, Ханты-Мансийский и Чукотский автономные округа, по одному разу – Забайкальский и Камчатские края, Камчатская область и Корякский автономный округ. При этом можно констатировать, что указанные законодательные инициативы:

затрагивали важные для коренных народов вопросы (землепользования, лесопользования, пользования пастбищами, традиционного рыболовства, функционирования общин, этнологической экспертизы, установления квот представительства коренных народов в законодательных органах, этнической идентификации, статуса уполномоченных представителей коренных народов, распространения преференций на «аборигенов» – городских жителей), не получившие надлежащего регулирования в федеральном законодательстве;

периодически вносились по одной и той же проблематике разными субъектами РФ, что свидетельствует об отсутствии нормотворческой координации между данными субъектами;

по разным причинам не имели успеха (законопроекты отклонялись, либо отзывались инициаторами).

Подобное положение вещей, видимо, объясняется не только качеством законопроектов, но и отражает общие тенденции в системе федеративных отношений, в которых соучастие субъектов РФ в принятии общегосударственных решений не стимулируется. Иллюстрацией к этому может служить тот факт, что из сотен региональных инициатив поддержку получают единичные законопроекты¹, а также то, что сама процедура реализации законодательной инициативы, несмотря на прямые установки Конституционного Суда РФ, сформулированные в постановлении от 29 ноября 2006 г. № 9-П², до настоящего времени не конкретизирована федеральным законом, что, безусловно, снижает уровень гарантий участников законодательного процесса.

Результативность законодательных инициатив, на наш взгляд, была бы выше, если бы они оформлялись как совместные (консолидированные) инициативы заинтересованных субъектов РФ. Каких-либо правовых препятствий к этому нет. Более того, такая практика уже начинает складываться³ и получает отражение, например, в Регламенте Совета

¹ См.: Доклад Совета Федерации Федерального Собрания РФ «О состоянии законодательства в Российской Федерации за 2005 год» // Электронный текст. С. 160.

² См.: СЗ РФ. 2006. № 50. Ст. 5371.

³ Например, в 2008 г. Совет руководителей законодательных органов субъектов РФ при полномочном представителе Президента РФ в Дальневосточном федеральном округе разработал законопроект, связанный с

Федерации ФС РФ (ст. 140, 141.2, 143)¹, в котором признается возможность внесения Советом Федерации законопроектов в Государственную Думу совместно с законодательными органами субъектов РФ. Подобные инициативы могли бы непосредственно выработаться на основе соглашений между законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов РФ², а также с привлечением парламентских ассоциаций или советов законодателей, которые, отмечу, призваны лишь содействовать осуществлению совместных региональных законодательных инициатив, но не быть, вопреки Конституции РФ (ст. 10, 11, 104), обязательным фильтром при реализации законодательным органом субъекта РФ своего права законодательной инициативы в Государственной Думе³. Особенности рассмотрения указанных инициатив было бы целесообразно отразить (по примеру Совета Федерации) в Регламенте Государственной Думы (или в соответствующем федеральном законе, о котором речь шла выше).

3.2. Органы государственной власти субъектов РФ способны участвовать в корректировке «аборигенного» законодательства, наполнении его конституционно-правовым смыслом путем обращения в Конституционный Суд РФ с запросами о толковании Конституции РФ, о проверке на соответствие Конституции федеральных законов и иных нормативных правовых актов и по другим поводам (ст. 125 Конституции РФ). При этом учитывается, что итоговые решения Конституционного Суда обладают свойствами нормативно-правового акта и по юридической силе могут быть приравнены к Конституции⁴.

К сожалению, данный канал соучастия органов государственной власти субъектов РФ в нормативно-коррекционном правотворчестве в контексте защиты прав коренных народов используется редко. В частности, подобные обращения в Конституционный Суд поступали от:

Думы Чукотского автономного округа, которая в своем запросе о толковании ст. 69 Конституции РФ просила разъяснить, каковы права

защитой некоторых прав коренных народов, который в последующем был внесен в Государственную Думу Думой Чукотского автономного округа.

¹ См.: СЗ РФ. 2002. № 7. Ст. 635.

² Возможность координации усилий по рассмотрению законодательных инициатив (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Оно было заключено в 2007 г. и его участниками являются 25 субъектов РФ (см.: <http://zsperrn.ru/s1/Docs...>)

³ На это приходится обращать внимание, поскольку, если судить по проекту Примерного порядка рассмотрения законодательных инициатив парламентом субъектов РФ в Совете законодателей Российской Федерации при Федеральном Собрании РФ (утвержден в 2012 г.), на роль обязательной фильтрующей инстанции претендует названный Совет (см.: <http://szrf.km.duma.gov.ru/sitee.xp/051050050.html>).

⁴ См.: Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России. 2-е изд., доп. М., 2008. С. 48-65; Бонларь Н.С. Судебный конституционализм в России. М., 2011. С. 118-122; Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. Учебное пособие. 4-е изд. М., 2012. С. 107-110.

коренных малочисленных народов Российской Федерации в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права; имеют ли коренные малочисленные народы России какие-либо исключительные права; имеют ли общепризнанные принципы и нормы международного права, касающиеся коренных малочисленных народов, приоритет по отношению к нормативным правовым актам Российской Федерации и ее субъектам; каков порядок применения общепризнанных принципов и норм международного права в отношении коренных малочисленных народов Российской Федерации; имеют ли право субъекты РФ осуществлять собственное правовое регулирование в данной сфере в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права до принятия федерального закона, определяющего правовой статус коренных малочисленных народов России. В определении по этому запросу от 26 декабря 1996 г. №106-О¹ Конституционный Суд РФ констатировал: отвечая на поставленные вопросы, Суд был бы вынужден, по сути, сформулировать конкретные нормы, которые определяли бы правовой статус коренных малочисленных, их права и т.д., что явилось бы вторжением в компетенцию законодателя. По истечению почти 20 лет после принятия указанного определения можно заметить, что Конституционный Суд без должного обоснования все свел к правовому статусу коренных малочисленных народов, хотя круг обозначенных вопросов был заметно шире и некоторые из них (например, о соотношении международного и внутригосударственного регулирования, о возможности субъектов РФ непосредственно принимать законы в развитие международных норм) до настоящего времени остаются дискуссионными;

Законодательного собрания Республики Карелия, которое оспаривало нормы федерального избирательного законодательства, позволяющего субъектам РФ в местах компактного проживания коренных малочисленных народов создавать избирательные округа с не более чем с 30 процентным отклонением от средней нормы представительства избирателей; заявители полагали, что такое регулирование нарушает правомочие субъектов РФ самостоятельно определять принципы установления границ избирательных округов при выборах в законодательный (представительный) орган государственной власти и таким образом противоречит ст. 73 и 77 Конституции РФ. Конституционный Суд РФ не согласился с этой позицией и признал

¹ См.: СПС «Консультант-Плюс».

конституционной оспариваемую норму (постановление от 10 июля 1998 г. №17-П¹);

Администрация Хабаровского края, которая полагала, что постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2000 г. №1010 ущемляются права Хабаровского края как субъекта РФ, права населения края и юридических лиц, поскольку не предусмотрено согласование с субъектом РФ предложений о квотах на вылов (добычу) водных биологических ресурсов, выделение квот для представителей коренных малочисленных народов Севера. Конституционный Суд РФ воздержался от оценки оспариваемых норм, сославшись на то, что установление указанных квот для коренных малочисленных народов требует учета фактических обстоятельств, что не входит в компетенцию Суда (определение от 6 июля 2001 г. №163-О²).

3.3. Принятие законов и иных нормативных правовых актов – ключевой элемент реализации компетенции органов государственной власти субъектов РФ в сфере защиты прав коренных малочисленных народов Севера. Данное полномочие реализуется достаточно активно (в настоящее время в 20 субъектах РФ, в которых проживают названные народы, действует около 300 законов с «аборигенным» компонентом), хотя плотность и разнообразие регламентации рассматриваемых отношений у субъектов РФ заметно различаются³. Например, в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, в каждом из них, действует 38 законов, включающих нормы о коренных малочисленных народах, в Республике Саха (Якутия) – 34, Красноярском крае – 21, Амурской – 12 и столько же таких законов в Сахалинской области; в других случаях показатель нормотворческой активности в рассматриваемой сфере ниже. Как следствие, можно констатировать, что при равных федеральных конституционно-правовых основах и полномочиях в регионах реально складываются различные государственно-правовые статусы коренных малочисленных народов и лиц, относящихся к ним. Это допустимая данность, коррелирующая с самостоятельностью и своеобразием субъектов РФ, а также способностью (и желанием) их органов государственной власти умело пользоваться предоставленными им полномочиями.

Региональное законодательство охватывает многие аспекты жизнедеятельности коренных малочисленных народов. Оно не только воспроизводит и развивает международные и федеральные правовые нормы, касающиеся данных народов, но и в некоторых случаях компенсирует

¹ См.: СЗ РФ. 1998. № 25. Ст. 3002. В особом мнении судьи Н.В. Витрука по данному делу обосновывалась иная позиция: оспариваемое регулирование не соответствует Конституции, поскольку ограничивает правомочия субъектов РФ гарантировать права и законные интересы коренных малочисленных народов.

² См.: СПС «Консультант-Плюс».

³ См.: Статус коренных малочисленных народов России. Международные правовые акты и российское законодательство. Книга пятая. В двух томах. Т. 2 /Составитель В.А. Крайков. Москва – Салехард, 2013.

пробелы федерального законодательства. В этом смысле заслуживают внимания нормативно-правовые установления субъектов РФ, гарантирующие права коренных малочисленных народов и лиц, относящимся к ним, на:

ведение кочевого и полукочевого образа жизни (системный подход в данном отношении просматривается в Якутии);

занятие традиционной хозяйственной деятельностью (посредством закрепления мер государственной поддержки этой деятельности), в том числе оленеводством (законы об оленеводстве в отсутствие соответствующего федерального закона приняты в 12 субъектах РФ¹);

пользование земель и иными природными ресурсами (на основе определения статуса территорий традиционного природопользования регионального значения и регламентации отношений с недопользователями, возможности осуществлять этнологическую экспертизу);

участие в принятии решений, затрагивающих права и законные интересы данных народов (путем обеспечения представительства коренных народов в законодательных органах власти, наделения их общественных объединений правом законодательной инициативы, создания национальных административно-территориальных единиц, определения статуса уполномоченных субъектов выступать от имени данных народов, передачи органам местного самоуправления отдельных государственных полномочий для решения «аборигенных» вопросов);

сохранение и развитие традиционной культуры, на что нацелены региональные законы о родных языках, фольклоре, священных местах, эпическом наследии.

В целях «выравнивания» регионального законодательства о коренных малочисленных народах (и посредством этого – статуса данных народов) целесообразно создать систему изучения, обобщения и распространения апробированного опыта правового регулирования «аборигенных» отношений. Это возможно как в рамках взаимоотношений между субъектами РФ (на основе соответствующих соглашений, через созданные ими координирующие структуры), так и через федеральные органы государственной власти (в том числе путем придания лучшим нормативно-правовым образцам общеобязательное федеральное значение).

¹ С учетом Закона Республики Коми от 1 марта 2011 г. «Об оленеводстве в Республике Коми».

Научное издание

КОНСТИТУЦИЯ, КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ,
КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ:
АКТУАЛЬНОЕ СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ И ТРЕНДОВ

Сборник материалов
по итогам Международной научно-практической конференции
посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации
г.Тверь, 17–18 мая 2013 года

Отпечатано с авторских оригиналов

Технический редактор А.В. Жильцов
Подписано в печать 07.10.2013. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 25,25. Тираж 100. Заказ № 371.
Тверской государственный университет
Редакционно-издательское управление
Адрес: 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.
Тел. РИУ (4822) 35-60-63.